

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ, АЛЕКСЕЙ  
МАКЕЕВ**

# **ЭЛИТНЫЙ УТОПЛЕННИК**

Полковник Гуров

Николай Леонов

**ЭЛИТНЫЙ УТОПЛЕННИК**

«Научная книга»

2021

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Леонов Н. И.**

Элитный утопленник / Н. И. Леонов — «Научная книга»,  
2021 — (Полковник Гуров)

«Дирижер взмахнул рукой, и просторный двор типичной московской сталинки, находящейся в Филях, наполнили ни с чем не сравнимые звуки духового оркестра. Саксофон, труба, флейты, гобои, рожок, барабаны и фагот. Музыкальных познаний Гурова вполне хватало, чтобы определить, где какой инструмент. Запинка вышла только при идентификации котлообразных чаш, обтянутых кожей, то есть литавр. Лев Иванович, как и многие другие люди, ошибочно считал, что литавры непременно звенят. Значит, они должны напоминать нечто подобное тарелкам. Узнать их в ударном инструменте сыщику никак не удавалось...»

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2021  
© Научная книга, 2021

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# Николай Иванович Леонов, Алексей Викторович Макеев ЭЛИТНЫЙ УТОПЛЕННИК

\* \* \*

*Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.*

© Макеев А. В., 2021

## Глава 1

Дирижер взмахнул рукой, и просторный двор типичной московской сталинки, находящейся в Филях, наполнили ни с чем не сравнимые звуки духового оркестра.

Саксофон, труба, флейты, гобои, рожок, барабаны и фагот. Музыкальных познаний Гурова вполне хватало, чтобы определить, где какой инструмент. Запинка вышла только при идентификации котлообразных чаш, обтянутых кожей, то есть литавр. Лев Иванович, как и многие другие люди, ошибочно считал, что литавры непременно звенят. Значит, они должны напоминать нечто подобное тарелкам. Узнать их в ударном инструменте сыщику никак не удалось.

– Всем бы такими быть в девяносто шесть, как Василий Леонтьевич, – тихо прошептал Станислав Крячко, лучший друг и напарник Гурова. – Смотри, как глаза-то у старика блестят.

Фронтвику Василию Туницкому в этот день родственники специально подрегулировали слуховой аппарат, чтобы он сполна мог насладиться торжеством в честь себя самого. Идея провести парад в честь одного ветерана Великой Отечественной войны прямо во дворе его дома родилась у командования Московского университета МВД России. Сам Туницкий в те грозные годы был музыкантом военного оркестра, а потом в течение сорока пяти лет работал в школе милиции. Василий Леонтьевич в окружении родственников сидел за столом, специально вынесенным прямо во двор. Ветеран Великой войны, участник разгрома Квантунской армии слушал песни в исполнении своих коллег, приходил в полный восторг, иногда даже вытирал слезинки кулаком. Он полагал, что этого никто не замечает, а может, не считал нужным скрывать эмоции.

«От героев былых времен  
Не осталось порой имен.  
Те, кто приняли смертный бой,  
Стали просто землей и травой.  
Только грозная доблесть их  
Поселилась в сердцах живых,  
Этот вечный огонь,  
Нам завещанный одним,  
Мы в груди храним»...

Духовой оркестр находился на особом обеспечении в этом учебном заведении. Попасть туда было очень непросто. Служба там считалась престижной. Музыкантам нужно было действительно обладать если не талантом, то, по крайней мере, отличной техникой исполнения. Вокалистам полагалось петь так, чтобы душа у руководства сначала развернулась, потом свернулась.

Справедливости ради надо отметить, что эти требования командования оказались выполнены. Песни действительно звучали очень хорошо, проникновенно.

Когда концерт закончился, со своего места поднялся майор Туницкий. На тщедушной согбенной фигуре висел пиджак с многочисленными наградами, колени его подкашивались. Но ветеран усилием воли расправил плечи и как будто вмиг стал выше ростом и увереннее статью. Родные по обе стороны подхватили его за руки и помогли подойти к оркестру.

Здесь он встал, окинул всех внимательным взглядом, немного помолчал и произнес:

– Спасибо вам, ребята. Когда хоронил в братских могилах, в одиночных окопах и траншеях своих друзей, я им обещал, что если живой останусь, то буду все время беречь солдат-

скую честь. Благодаря вам сегодня мое сердце заходится от счастья. Ради такого последующего поколения и жить стоило, и умирать тоже.

Все в едином порыве громко заплодировали.

Подмосковный поселок Козловка раскинулся на берегу Клязьмы, примерно в двухстах пятидесяти километрах от МКАДа. Здесьние места были весьма живописными. По обе стороны идеально ровной дороги стояли аккуратные особняки с красивыми крышами из металлочерепицы. В строительство своих домовладений жители Козловки вкладывали души, а они у них были такими же широченными, как Клязьма в весеннем разливе, после заснеженной зимы.

В основном здесь постоянно проживали люди зрелого и пожилого возраста, которые на заре двухтысячных годов дорабатывали последние годы, оставшиеся до пенсии. Вот они-то и разглядели потенциал ничем не примечательного подмосковного поселка с его типичным деревенским укладом. Москвичи постепенно перебирались сюда, покупали дома один за другим. Сперва перестали ходить по улицам коровы, позже исчезли и гуси. Исконные местные жители стали подозревать, что их деревня обречена на вымирание. Но они ошибались.

Люди, принявшие повально приобретать в Козловке домики себе на старость, облагораживали их или вовсе сносили и заново отстраивали, заодно обиходили и прилегающую территорию. Они обладали хорошим достатком, но отнюдь не являлись богачами. Впрочем, и на типично деревенских жителей новые люди не были похожи, пусть даже и прожили в поселке несколько лет.

Селились здесь люди уважаемых профессий. В своем трудовом прошлом они занимали посты начальников ведомств и предприятий среднего звена, некоторые были остепененными преподавателями вузов, жила здесь и супружеская пара врачей. Постепенно все они переселялись из города, погружались в размеренный, но отнюдь не ленивый быт, сажали садовые деревья и цветы, огородничали, рыбачили, строили, ремонтировали, делали отличное вино и по вечерам, бывало, ходили друг к другу в гости. Скотину держали редко, в основном курочек или уток, с коровами возиться никому не хотелось. У одного местного, правда, жил конь, красавец Багет темно-рыжего цвета с роскошной выправкой и блестящей гривой. Хозяин мечтал о собственной лошади с детства, и вот, на старости лет, смог наконец-то осуществить заветное желание.

Некоторые еще работали и ездили ради этого в город, благо до него было по московским меркам совсем недалеко. Но в основном эти люди уже являлись пенсионерами, неторопливыми, неспешными, обстоятельными и энергичными. Благодаря деятельности своих новых обитателей поселок со временем стал напоминать лубочную деревеньку, расположенную где-нибудь в глубине Германии или Голландии. Как будто картинка, изображенная на стильной открытке, вдруг взяла и ожила.

Конечно же, за красивой оболочкой скрывались серьезные финансовые вложения. Пожалуй, только с дорогами тут повезло. Они исправно ремонтировались за счет областного бюджета благодаря близости аэропорта. В остальном местные жители сообща, без лишних склок поддерживали инфраструктуру поселка своими средствами и силами. Люди чистили пляж, облагораживали зоны общего пользования, зимой нанимали бобкэты для уборки снега.

Они не скупилась на малые архитектурные формы и функциональные элементы. Здесь можно было увидеть симпатичные лавочки с навесами в местах остановки общественного транспорта, кованые урны для мусора, фонари уличного освещения и многое другое, что обязательно для любого цивилизованного места жительства.

Жители Козловки даже устроили что-то вроде прогулочной аллеи, высадили на центральной улице саженцы австралийского каштана и замостили тропинку декоративной плиткой. В зеленой зоне вместо газона они посеяли клевер, не требующий особого ухода. Здесь люди про-

водили общие собрания, а на 9 Мая шагали «Бессмертным полком» с портретами родственников, участников Великой войны.

Каждый индивидуальный приусадебный участок представлял собой усладу для глаз. Хозяева умело осваивали искусство ландшафтного дизайна и не скупилась на устройство бассейнов, беседок, бань, малых архитектурных форм, мангальных зон и прочих прелестей садовой жизни. Сколько здесь было цветов! Каждая ограда буквально утопала в кустовых розах и декоративном винограде. Вдоль заборов произрастали кусты шиповника и акации. Туи и ели были частью изысканного интерьера вблизи домов. Все цвело, зеленело, радовало здоровым видом и сочной глянцево-лиственной листвой.

С начала лета к местным жителям начинали массово прибывать внуки из Москвы и других российских регионов. Вот уж кому здесь было настоящее раздолье! Все время с утра до обеда и вечером, когда солнце уже не так жарит, можно было проводить на реке, заботясь только о том, чтобы не обгореть с непривычки. Пацаны могли играть в индейцев или пиратов, до дрожащих ног кататься на великах. Девчонки без сил валялись на садовых качелях, упирали безмятежный взор в голубое небо и постепенно, но неминуемо проваливались в глубокий оздоровительный сон. Рыбалка с дедами ранним утром, поедание клубники и малины тоннами, шашлыки и рыба из коптилки, первая качка меда с собственной пасеки! Все это, в отличие от жизни у бабушек и дедушек в настоящей деревне, не предполагало обязательных ежедневных работ по прополке помидоров или окучиванию картошки.

Добавьте ко всему этому прекрасный стабильный интернет, многоканальное телевидение, и пасторальная картинка загородной жизни готова.

На пляже сегодня было довольно многолюдно. Жители Козловки дураками ни разу не были, решили использовать отличный солнечный денек на полную катушку. Бабушки с внуками деловито раскинули на одеялах непортящуюся снедь. На белоснежных вафельных салфетках лежали огурцы и помидорчики с собственного огорода, отварная картошка, бутерброды с сыром и колбасой и неизменные вареные яйца.

Поджарые загорелые деды сформировали отдельную конгломерацию. Они встали полукругом у берега и принялись обсуждать недавние успехи на рыбалке, при этом нет-нет да и поглядывали на своих благоверных, полностью занятых подрастающим поколением. В котомке у одного из них была заныкана заветная фляжка, в которой аппетитно плескался абрикосовый дистиллят собственного изготовления. Мужики ждали удобного момента, чтобы потихоньку опробовать его по очереди, как только жены отправятся купаться вместе с мелкими, отойдут подальше от берега. Те, как назло, не торопились, и деды нетерпеливо переминались с ноги на ногу, понимали, что благородный напиток неизбежно нагревается.

– Мишка, айда на тарзанку! – заорал Артем, живущий в поселке круглое лето.

В отличие от товарищей его никто не пестовал. Бабка Темы умерла пару лет назад, а дед не считал нужным контролировать этого девятилетнего оболтуса. В его годы он самостоятельно выгонял колхозного коня Армяка на пастбище, однажды получил от него копытом по лбу и только чудом избежал смертельного исхода. В общем, девять лет в понимании Артеминого деда были вполне себе солидным возрастом. Поэтому внук отрывался в Козловке на полную катушку, получал все радости жизни в виде солнца, воды и воздуха без каких-либо ограничений.

Пацаны подняли головы и тут же перевели умоляющие глаза на своих бабушек. Те, конечно же, никакой тарзанки им не разрешили. Вероятность этого была равна нулю, что, впрочем, было понятно изначально.

Мальчишки старались выглядеть равнодушными. Они повалились на песок и изредка поглядывали на противоположный берег с плохо замаскированной завистью в глазах.

Темке же было не привыкать развлекаться одному. Толстая веревка тарзанки была крепко прикручена к ветке дерева, растущего на спуске к воде. Этому стройному и сильному мальчишке ничего не стоило только что переплыть с другого берега. Теперь он намеревался подпрыгнуть повыше и как следует раскачаться. Когда своеобразный маятник наберет максимально возможную амплитуду и будет находиться прямо над водой, пацан сможет сигануть в прохладную глубокую гладь рыбкой или бомбочкой, это уж как получится.

Артемка поплевал на руки, разбежался, легко подпрыгнул и крепко ухватился за канат. Он раскачивал тарзанку собственным весом, сначала медленно и коротко, но с каждым разом все быстрее и длиннее, с приятным, щекочущим живот чувством пролетал над берегом, покрытой мягкой травой, и зеркалом реки. С берега за его авантюрным полетом следили восторженные глаза незадачливых товарищей по играм и осуждающие – их бабушек.

Ну а деды мигом оценили ситуацию, воспользовались тем, что всеобщее внимание сейчас было приковано к противоположному берегу, и приступили к осуществлению своих коварных планов. Они по очереди ненавязчиво прикладывались к заветной фляжке, предусмотрительно засунутой в пакет.

– Вот ведь стервец какой! – с чувством произнесла крепкая на словцо Антонина Петровна. – Бабка в гробу тридцать три раза перевернется, пока он вырастет! А этому хоть бы хны. – Она направила указующий перст в сторону Темкиного деда.

Все неволью перевели взгляды в том самом направлении и увидели, как предок бесстрашного покорителя тарзанки с явным удовольствием приложился к цветастому пакетику, сквозь который предательски проступили очертания предмета, напоминающего металлическую фляжку.

– Твою мать! – непедагогично выкрикнула Антонина Петровна.

Она мгновенно сопоставила факты и однозначно поняла, что прильнуть к фляжке наверняка успел и ее благоверный.

Вслед за ней вскочили и другие женщины, намеревавшиеся отобрать артефакт у распустившихся супругов.

Но в этот момент раздался громкий плеск, и на спокойной водной поверхности пошли многочисленные круги. Темка оторвался от тарзанки, нырнул и оказался в самой глубокой части реки.

Это обстоятельство спасло дедов от позорной конфискации бодрящего напитка, так как всеобщее внимание в момент оказалось прикованным к реке. В нарастающей жаре секунды стали такими же тягучими и вязкими, как засахарившийся мед. Глаза примерно полтора десятков разновозрастных отдыхающих не отрывались от того места, куда с приличной высоты упал Темка. Деды забыли про фляжку, дети перестали играть, бабушки приподнялись и напряженно вглядывались вдаль. Время в итоге будто остановилось, а мальчик так и не появлялся на поверхности реки.

– Убился этот паршивец, – прошептала Антонина Петровна и перекрестилась. – Делать-то теперь чего?

Пожилые люди заставили себя выйти из липкого оцепенения, засуетились. Бабушки, повинувшись инстинкту, схватили своих внуков кто за руку, кто в охапку. Деды как по команде рванули к воде, намереваясь плыть на глубину и нырять для спасения сорванца.

– Спасателей надо вызывать! – крикнула какая-то женщина и трясущимися руками полезла в пляжную сумку за телефоном.

В этот момент из воды показался Тема. Он кричал. У него не было сил. Очевидно было, что он только вдохнул спасительного воздуха, и его вопль просто не мог оказаться особенно громким. Но тот факт, что мальчик пребывает в ужасе, сразу стал ясен всем людям, присутствующим здесь.

Он барахтался как собачонка, руками активно бил по воде, только бы вновь не уходить в глубину. Расширенные глаза, посеревшее лицо. Мальчонка прекрасно умел плавать и вдруг напрочь позабыл, как это делается. Все эти обстоятельства выдавали в нем крайнюю степень испуга.

Его дед, четко рассекающий реку кролем, уже был недалеко от внука. Другие мужчины немного отставали от него. В этот момент все они будто бы скинули с себя возраст, под адреналином резко помолодели, стали сильнее, быстрее, выносливее. Как только руки деда схватили мальчика, он тут же обмяк, потерял последнюю возможность себя контролировать, а через секунду и вовсе лишился сознания.

Когда мужики вытащили Тему на берег, лицо его было сизого цвета, глаза закрыты, по коже скатывались бисеринки воды. Дети опасливо держались за бабушек. Дед начал нажимать мальчику на грудь в попытке воспроизвести непрямой массаж сердца, виденный в кино.

– В «скорую» позвоните! – крикнула та же самая женщина с отчаянием в голосе. – Надо врачей сюда вызвать!

В этот момент Темка открыл глаза и тихо проговорил:

– Там, в воде, мертвец.

## Глава 2

Михаила Балидского вытащили со дна спасатели. Через несколько минут на берег приехали полицейские из районного отдела, вслед за ними появилась и «скорая». Стражи порядка окружили синеватое тело плотным кольцом, закрыли видимость для зевак, количество которых в последние полчаса заметно прибыло. Примерно полсотни человек собрались на берегу, неподалеку от места событий.

Медики констатировали, что смерть наступила примерно шесть-восемь часов назад. Ее предварительной причиной было названо утопление.

– Как Вере-то сказать? – сокрушалась соседка Михаила Федоровича, теперь уже покойного. – Она же с ума сойдет.

Вера Степановна еще вчера вечером поехала на автобусе в город. Дочь попросила ее посидеть с внучкой, пока они с мужем будут у друзей на свадьбе. Бывший педагог, учитель начальных классов, она всегда с удовольствием откликалась на просьбы детей побыть с внуками. Это доставляло ей истинную радость. Раньше завтрашнего вечера Вера Балидская возвращаться домой не собиралась. Но жестокая действительность внесла свои коррективы в ее планы.

Чествование ветерана закончилось торжественным маршем. Туницкий вытянулся по струнке, проводил музыкантов, отдающих ему честь.

Гуров и Крячко с удовольствием пожали пожилому коллеге руку.

Лев Иванович не удержался и спросил:

– О чем вы чаще всего на войне думали, Василий Леонтьевич?

– О бабах, – ответил тот.

Друзья, не сговариваясь, крикнули, и тут у Гурова зазвонил телефон. Он извинился, отошел в сторонку.

– Слушаю. Да. Хорошо. Будем. – Лев Иванович повернулся к Крячко и произнес: – Нам пора. Генерал вызывает.

Отдых заканчивался, пора было приступать к работе. Просто так Орлов не стал бы их дергать. Дело явно было срочное. Значит, придется ехать в парадной форме, переодеться уже некогда.

Вскоре господ полковники оказались в главном управлении уголовного розыска.

– Здравствуй, Верочка! Выглядишь отлично, как, впрочем, и всегда! – поприветствовал Гуров секретаршу начальника.

– Да уж кто бы говорил, – с улыбкой произнесла девушка, с явным одобрением оглядывая старинных друзей, прибывших в приемную.

Парадная форма действительно сидела на них отлично, создавала торжественный и строгий образ.

– Что за повод, почему я не знаю?

– Ветерана чествовали. Я у него учился. За девяносто пять лет уже перевалило, а он как огурец! Все и всех помнит.

– Ну уж нет, я не хотела бы дотянуть до такого почтенного возраста, – решительно отмела идею долгожительства Вера. – Когда утром просыпаешься, к зеркалу подходишь и сама себя боишься!

– Да, ладно, Верочка. Нам не стоит думать о таком, – с улыбкой проговорил Гуров. – Рановато еще, вон дел сколько. Петр у себя?

– Проходите, он вас ждет.

Многолетняя работа бок о бок внесла свои коррективы в отношения, основанные на субординации, поэтому для Гурова и Крячко называть начальника по имени было нормой. Это ни в коем случае не было проявлением панибратства, а лишь подчеркивало их тесную связь и те несколько пудов соли, которые за минувшие годы им пришлось слопать, деля по-братски. Разумеется, когда того требовала ситуация, обращение менялось и полностью соответствовало уставу.

В кабинете у Орлова недавно был сделан ремонт. Высшее начальство прямым текстом намекнуло ему, что хватит уже жить как в каменном веке, с добротной, но устаревшей темно-коричневой мебелью позднего советского периода. Пришлось Петру Николаевичу, абсолютно чуждому к любому проявлению пафоса, временно перемещаться в другое помещение и ждать, пока ловкие гастарбайтеры отделают его рабочую обитель в самом что ни на есть современном стиле.

Результат, однако, его явно не порадовал. Это было неудивительно.

– Это что? – присвистнув, спросил Гуров, окидывая быстрым взором преображенный кабинет.

– Это что? – с протупающим раздражением повторил Орлов и осуждающе покачал головой. – Это называется лофт. Очень популярный на сегодняшний день стиль оформления интерьеров! – передразнивающим тоном добавил он, явно кого-то копируя.

Кабинет генерала напоминал сейчас неоконченную стройку с бетонными конструкциями, не прикрытыми ровным счетом ничем. О том, что стены отделаны специальными панелями, имитирующими кирпичную кладку, мог догадаться только знающий человек. Непосвященному же персонажу казалось, что хозяин кабинета просто решил оставить здесь все как есть, дополнив обстановку стеллажами, изготовленными из металлической арматуры и фанерных листов.

По-настоящему хорош здесь был, пожалуй, только стол, добротный, массивный, с множеством выдвижных ящичков и вместительной тумбой, закрывающейся на ключ. К нему примыкала длинная панель для проведения планерок.

– Два месяца делали! – пожаловался Орлов. – Я только стол сам выбирал, а по дизайну сказал, что мне по фигуре, как будет, но чтобы не хуже, чем раньше. Ну и поплатился за свою простоту! Вот чего мне девки из архивного отдела наделали, дизайнеры доморощенные!

Гуров и Крячко, старательно скрывая улыбки, опустились в неудобные кресла, сплошь состоящие из тонких витиеватых хромированных конструкций. Сидеть в них было неприятно. Господам полковникам казалось, что эти штуковины вот-вот предадут их, согнутся под тяжестью человеческих тел, но нервировать этим сообщением своего начальника они не стали. Ему и так досталось с этим ремонтом. Он теперь наверняка в делах найти ничего не может. Зная его педантичную натуру, это для него просто как серпом по... пальцам. К электронному архиву генерал-лейтенант Орлов привыкал долго и сложно, как и многие его ровесники.

– Ну, в общем так, ребята...

Гуров и Крячко слушали начальника очень внимательно. За долгие годы совместной работы они научились распознавать настроение руководителя и верно истолковывать малейшие оттеночные нотки его недовольства. Вот и теперь им было понятно, что раздражение Петра Николаевича едва ли обусловлено исключительно неудачным ремонтом. Скорее всего, причина в ином. В том деле, ради которого они столь срочно были вызваны в этот самый кабинет.

– Под Москвой, в поселке Козловка, где постоянно проживают одни пенсионеры, все сплошь божьи одуванчики, обнаружен труп. Михаил Федорович Балидский был выловлен из Клязьмы. Мальчишка плавал в реке и зацепился за его тело. Причиной смерти является утопление, но судмедэксперты сошлись во мнении, что предварительно деда кто-то как следует приложил тупым предметом по голове, да так, что он вырубился. Уже потом преступник столкнул его в речку. Там с одной стороны склон практически отвесный. Вот оттуда, видимо, старик

и слетел. Балидский имел давний конфликт с господином Беляковым. – Орлов выразительно посмотрел на оперативников и осведомился: – Что тебя смущает, Лева?

Гуров покачал головой и ответил:

– Дедушка божий одуванчик и воротила строительного бизнеса. Все нормально. Тут нет ничего необычного.

– Ты ведь и сам знаешь, на свете и не то бывает, – сказал генерал-лейтенант, поморщился и кивнул Верочке, которая внесла на подносе три чашки кофе и вазочку с конфетами. – Вы давайте дальше слушайте. Несколько лет назад, если быть точным, в двенадцатом году, в поселке завелась птица довольно высокого полета, глава администрации Подлесновского района Ирина Карпенцева. По слухам, она купила здесь участок огромного размера, самые настоящие угодья, расположенные прямо у спуска к берегу. Вскоре там было начато строительство. Местным жителям это все, конечно, не очень понравилось, но их никто не спрашивал. Впрочем, это были еще цветочки. Ягодки выросли чуть попозже, вместе с замком Синеи Бороды.

– С чьим замком? – спросил Крячко.

– Синеи Бороды, – повторил Орлов и осведомился: – Ты сказки Шарля Перро читал в детстве?

– Ага, – понимающе протянул Крячко. – Помню, вроде бы он жен своих там мочканул.

– Видишь, какой ты у нас образованный. Ну так вот, это местные так дом прозвали. Уж больно он отличался от их собственных. Весь такой из себя мрачный, с башнями. Не важно. Саму хозяйку здесь, в принципе, никто не видел, только строители копошились. Потом оказалось, что береговая зона теперь является продолжением ее участка.

– Это как? – осведомился Гуров.

– А вот так. Там была проделана какая-то хитрая многоходовочка, думаю, для запутывания концов. Я не знаю подробностей. Но в итоге оказалось, что берег стал частной собственностью. И не только он, но еще и лес. Балидский взбудоражил жителей поселка, поднял самый натуральный бунт, начал слать запросы куда только можно, в СМИ трубил. Мужик оказался грамотный и упертый. Вроде как откатить процесс до конца не смог, но определенных успехов добился. Стройку административная львица прекратила. Ей, во власти находящейся, не пристало так портить свой светлый образ. Может, начальство пальцем пригрозило и велело затихнуть. Вот она и продала участок.

– Белякову?

– Да. Вместе с береговой зоной и лесополосой. Этому господину сантименты были чужды. На участке опять появились строители и начали потихоньку закрывать берег забором.

– И что Балидский?

– Землю рыл буквально носом, направил запросы во все инстанции, каким-то образом достучался до Первого канала, там ему обещали про ситуацию сюжет снять.

– Сняли?

– Не в курсе. Дальше ваше дело. Именно вам придется выяснить, что там к чему.

– Понятно.

– В общем, езжайте, ребята, на Клязьму купаться или рыбачить. Что больше любите.

Гуров откашлялся и осведомился:

– Сливаться Белякова нет задачи?

– Нет! – Начальник главного управления уголовного розыска отрицательно покачал головой. – В том-то и дело.

Лев Иванович и без того уже понял суть дела.

Московский бизнесмен Беляков был крупной фигурой. Очевидно, кому-то из сильных мира сего потребовалось пополнить ту самую заветную папочку, которая ведется абсолютно на каждую птицу высокого полета, неким достоверным и не самым лицеприятным фактом биографии этого господина, то есть уголовным преступлением.

Сделать это надо было, так сказать, на будущее. В настоящий момент никто не планировал призывать бизнесмена к ответу. По крайней мере, речь об этом не шла. Но ветер мог поменяться в любой момент. Случится вдруг необходимость у кого-то из влиятельных кукловодов срочно убрать Беякова с игрового поля – нет проблем, пожалуйста! Вот вам на тарелочке с голубой каемочкой заказное убийство, в котором главный фигурант – господин Беяков, а жертва – несчастный пенсионер Балидский, посмевающий встать поперек горла жестокому и расчетливому бизнесмену.

Расклад был идеальным. Кому-то нужно было подробно выяснить все детали произошедшего, подготовить доказательства причастности Беякова, возможно, даже наказать исполнителя. Ведь и ему понятно, что строительный король не сам осуществил убийство.

– Ну а если он тут совершенно не при делах? – произнес Гуров.

Господин Беяков никогда не был предметом его профессионального интереса. Однако сыщик не сомневался в том, что этот господин мог бы организовать ликвидацию фигуры, неудобной для него. Ведь он, как и множество сегодняшних крупных акул бизнеса, был выходцем из пресловутых девяностых. Но эта эмпирическая уверенность в его виновности шла против правил, здравого смысла, профессионализма, наконец.

– Ну, а кто еще, если не он, Лева? – устало спросил Орлов. – Кому нужен дотошный дед, задавший целью воспрепятствовать строительству человечества прекрасного?

– Чего? – хором спросили Гуров с Крячко.

– Так вы же не знаете. Когда местные жители стройку останавливали живой стеной, они у рабочих спрашивали, что вообще тут планируется возвести. Так те отвечали им: «Строим человечество прекрасное!» Видали, каковы гастарбайтеры нынче пошли? Поэты.

Гуров и Крячко договорились встретиться через пару часов, а пока съездить переодеться. Жара стояла невыносимая, парадная форма отчаянно липла к вспотевшим телам. Господам полковникам хотелось принять душ, выпить прохладного морсу и облачиться во что-то легкое, подходящее для загородной поездки.

Лев Иванович открыл дверь и тут же крикнул:

– Брысь! Пошла на место!

Из приоткрытой щелки молнией выкатился кусочек белого с рыжим меха и попытался совершить побег, но наткнулся на выставленный ботинок Гурова.

Это была Лиска. Мария Строева, знаменитая театральная актриса, любимая супруга Льва Ивановича, недавно завела котенка, нашла его на улице, прямо перед домом. Гуров не возражал, хотя кошек не особо любил. Куда больше он уважал собак. Вот у кинологов какие умные псы! Герда, Нора, Крон... Он бы тоже хотел собаку, но с такой работой, как у него, та определенно скучала бы сидя дома, а перекладывать заботы о ней на Марию было бы нечестно.

Да и дело уже было сделано. Маша не чаяла души в Лиске, а та, как подозревал Гуров, разрешала ей себя любить. Она все чаще взбиралась на стол, когда Мария читала очередной сценарий, сильно вытягивала лапы и по-королевски возлежала, сверкая своими изумрудными глазами.

– Говорят, кошки похожи на своих хозяев, – произнесла однажды вечером Мария, расчесывая кошачью шерстку специальной щеткой. – Пожалуй, это правда.

– Два схожих признака точно есть, – заявил Гуров. – Длина лап и масть. Это если говорить о сходстве с тобой. А усы у нее такие же, какие были бы у меня, если бы я их отпустил.

– От тебя тут только хороший аппетит и любовь ко мне! – сказала Маша.

Гуров быстро принял душ, выпил холодного зеленого чая с лимоном и переделся в джинсовые шорты длиной до колен и легкую футболку. По такой жаре не лишней была бы еще и кепка, но она, как назло, куда-то запропастилась. Ему удалось найти только панаму защитного цвета, которая делала его похожим на простачка из какой-нибудь американской комедии.

Сыщик решил, что данный момент лишь поможет ему в предстоящем деле, водрузил на голову этот убор, схватил документы, бутылку воды и ключи от своего «Пежо». Уже через несколько секунд он оказался на улице.

Лев Иванович подобрал Станислава. Он уверенно вел машину сначала по оживленным московским улицам, а затем по трассе, ведущей в Козловку, и не переставал размышлять. Крячко знал, что его старинный товарищ сейчас будет немногословен, и сделал лучшее, что мог в данной ситуации, то есть задремал.

Расследовать дело об убийстве, которому никто не даст ходу, по крайней мере сейчас, пока. Это как? Нарушает ли это его принципы, позволяет ли работать честно и всегда по совести? Ведь именно так Гуров и поступал уже очень много лет, собственно, все годы своей работы в сыске. Он гордился тем, что ему никогда не бывало за себя стыдно.

В делах, где требовалось поступиться принципами, Лев Иванович откровенно заявлял свою позицию. Он мог позволить себе развернуться и дать задний ход, если считал, что участие в каких-то событиях для него неприемлемо. Надо сказать, что высшее начальство в подобных случаях шло ему навстречу, хоть и неохотно, скрепя сердце.

Гуров был на сто процентов уверен в том, что изменить систему один человек не может, но он вполне способен не делать самого себя ее винтиком – вполне. На том Лев Иванович и стоял.

В данном случае перед ним и Станиславом стояла задача провести доскональное расследование убийства Михаила Балидского. Они, лучшие сыщики Москвы, были отправлены для расследования этого дела потому, что заказчиком убийства, видимо, был бизнесмен Беляков, ныне весьма уважаемый. У личностей такого плана тьма тьмущая врагов. Когда придет время взять господина Белякова в разработку, достаточно будет, условно говоря, достать папку и смахнуть с нее пыль.

«Если придет это счастливое время», – подумал Гуров, поворачивая на Козловку. – «Впрочем, ведь никто и сейчас не велит мне работать против моих принципов. Нам необходимо детально выяснить роль Белякова в этом убийстве и найти исполнителя, который, очевидно, отправится в места не столь отдаленные. А заказчик... остается надеяться на то, что и он когда-нибудь получит по заслугам».

– Желательно поскорее, – проговорил он уже вслух. – Стас, просыпайся, утро доброе! Приехали.

Нет худшего наказания, чем жить в ожидании возмездия. Не важно, какого именно – наивысшего, божественного – тут надо привычно добавить «если там что-то и есть» – или же земного, обеспеченного торжеством правосудия. С тех пор как у него появилось свободное время, будь оно неладно, он стал много читать. Особенным интересом пользовались у него факты о деятельности НКВД, ранее засекреченные.

Воспоминания бывших работников этого ведомства он прочитывал на одном дыхании. Однажды ему попала статья, в которой офицеры, производившие расстрелы, описывали свои чувства. Один особенно продуктивный работник вспоминал, что после таких вот трудовых подвигов ему казалось, что целая толпа трупов бежит за ним. По ночам этому палачу хотелось выстрелить в самого себя. Два раза он только в последний момент удерживался от этого.

При этом в нем не было угрызений совести по отношению к своим жертвам. Убийства, совершаемые практически ежедневно, он воспринимал как работу, но его психика протестовала, выдавала такие фортели. Видимо, традиционные духовные нормы, в рамках которых за редкими исключениями воспитывается каждый человек, не так-то просто вытравить.

Последние несколько лет он жил в страхе. Но разве это справедливо, что, преступив закон единожды, ему пришлось расплачиваться за это собственным спокойствием? Сколько людей в

подобных ситуациях живут себе спокойно. А этот человек вынужден был мучиться и множить свои грехи.

В этот послеобеденный час на улицах было пустынно. В воздухе висело марево. Жителей поселка можно было понять и похвалить за сознательность. Проводить это время дома, под кондиционером, было куда как лучше, чем на воздухе, который даже отдаленно не напоминал свежий.

Вторая половина июня никак не желала следовать правилам. Ниже тридцати столбик термометра днем не опускался.

Проехавшись по симпатичной улице, сыщики были вынуждены констатировать, что никто из местных жителей не пытался найти спасения от удушающей жары и в тени садов. Ухоженные участки, скрывающиеся за красивыми каменными заборами, визуально казались безлюдными, поэтому господа полковники остановились у дома, где до недавнего времени проживал Михаил Федорович Балидский.

Это был приметный объект, из тех, которые фотографируют туристы на память. Снаружи жилище Балидских имело сходство с пряничным домиком, если бы некая сила вдруг многократно увеличила его и снабдила современными атрибутами в виде большого балкона, панорамных окон с тонировкой и террасой-солярием, устроенной прямо на крыше. В остальном светло-кремовая избушка, как, скорее всего, ласково называл ее сам хозяин, с крышей, покрытой красно-коричневой черепицей, резными наличниками и затейливыми украшениями на дверях, выглядела так, будто пришла из сказки, где добро борется со злом.

Именно так подумал Гуков, глядя на необычный дом. Он не очень разбирался в вопросах частного строительства, но понимал, что довести дом до такого вида в наше время стоит весьма немало. Если к этому прибавить такие конструкции, как автоматические ворота, гараж и современную систему видеонаблюдения, то становилось понятным, что Балидские не бедствовали. Впрочем, как и все жители Козловки.

Ограда из витиеватых металлических прутьев, красиво овитая розами, позволяла всем любопытным увидеть с улицы участок. Лев Иванович подумал, что этот факт вряд ли доставлял дискомфорт хозяевам. Скорее, наоборот, они наверняка были рады восхищению прохожих. Другого отношения и быть не могло.

Территория была разделена на структурированные зоны, каждая из которых представляла собой образец искусства ландшафтного дизайна. Сочная зелень газона переходила в цветочную лужайку или продолжалась альпийской горкой, граничила с мангалом. Под сводом фруктовых деревьев укрывалась уютная лавочка с элегантным столиком, за которым было так приятно потягивать утренний кофе. Ротанговые лежаки под откидным навесом только и ждали, когда на них опустится какое-нибудь тело, жаждущее отдыха, чтобы принять его со всеми достоинствами и слабостями и подарить ему безграничный комфорт.

В центре участка стояла небольшая белая скульптура, изображающая женщину в платье эпохи ампир, склонившуюся в легком реверансе. Перед ней, припав на одно колено, распростер руки мужчина во фраке. В одной руке у него был цилиндр, который он, как и полагается джентльмену, снял в присутствии дамы. Эта милая пара украшала собой фонтан, который сейчас весело искрился на солнце, выпуская радужные потоки.

Крячко внимательно изучил данных персонажей, откашлялся и сказал:

– Чертовски романтично! Наверное, эти ребята символизируют хозяев дома. Ты как думаешь?

– Не знаю, – честно ответил Гуков. – Очевидно только, что этим местом они оба действительно дорожили. Столько сил вложили, да и средств. Могу сказать, что вкус у них отменный.

– Согласен. У меня вот на даче как ни старайся, а все равно черт те что. Там как Мамай прошел, сколько бабок туда ни вбухивай! Вот что значит не иметь никакого дизайнерского таланта. Кстати, как ты думаешь, вдова сейчас там? – поинтересовался Станислав.

– Вряд ли. Но если и так, то она должна теперь быть не одна, а с кем-то из родственников. А машин-то на участке нет.

В этот момент Гуров заметил шевеление в окне на втором этаже дома, стоявшего напротив. Жалюзи, предварительно откиннутые кем-то для лучшего обзора, приняли свое первоначальное положение.

Лев Иванович кивнул Станиславу, молча указал ему на дом. Они вышли из машины и направились к входной двери. Никто из них не успел нажать на кнопку звонка, а калитка уже отворилась. Господа полковники увидели идеально ровные газоны с цветочными кадками по краям и дорожки, усыпанные гравием.

– Здравствуйте, уважаемые! – послышался басовитый голос. – Проходите, пожалуйста.

Им навстречу, чуть прихрамывая, спешил мужчина в домашних тапках.

– Ануфриев Олег Семенович, – представился он, протянул руку сначала Гурову, затем Крячко. – Подполковник МВД в отставке.

– Полковник Гуров Лев Иванович. А это мой коллега, полковник Крячко Станислав Васильевич. – Визитеры продемонстрировали хозяину дома свои служебные удостоверения. – Как давно на пенсии, коллега?

– Я вас сразу идентифицировал, – с удовольствием проговорил Ануфриев. – А на пенсии я аккурат с первого марта одиннадцатого года. Именно в этот день милиция в нашей стране стала называться полицией. То есть я, так сказать, последний русский мент! – Он рассмеялся, но тут же помрачнел. – Да, черт возьми. Ввязался Мишаня себе на гибель.

– Мы, собственно, как раз по этому поводу сюда и прибыли.

– Да понял я. Только вряд ли преступник будет предан суду. Это совсем не тот случай.

Гуров доверительно посмотрел на отставного подполковника и проговорил:

– Олег Семенович, вы ведь понимаете, что дело это весьма щекотливое. Не могли бы вы поделиться с нами той информацией, которой владеете? Прежде всего нас интересуют отношения Михаила Балидского и тех людей, с которыми он сцепился. Наверняка вам есть что рассказать. Вы ведь живете рядом.

– Папа не только живет рядом. Он еще и другом Михаила Федоровича был, – мелодично произнесла очень красивая, высокая и стройная девушка, неожиданно появившаяся из глубины сада. – Вы не смотрите, что он улыбается. Папа всегда так делает, как бы ни было тяжело на душе. На самом деле он так переживает, что даже подагра у него разыгралась.

Хозяин дома виновато пожал плечами и проговорил:

– Что делать, возраст уже немалый. На самом деле я, конечно, расстроился, ребята. Отсюда и подагра эта. Вон в тапках хожу. Суставы так воспалились, что больше просто ничего не могу надеть. Вот и дочка приехала, испугалась за меня. Она по образованию врач, правда, сейчас работает в производственной лаборатории. Вы проходите, расскажу вам все, что знаю. – Он провел их в глубину сада, в симпатичную беседку, увитую виноградом. – Марианна, ты ведь сообразишь нам чайку, да? Присаживайтесь, друзья, прошу вас. Так получилось, что я один кукою на старости лет. Супруга скончалась от онкологии пять лет назад. Но скучать мне не приходится, летом в саду копошусь, зимой по дому что-нибудь делаю. Иногда в город езжу, благо машина своя, всегда под боком. В общении нам, старикам, тут нет недостатка. Мы все дружим, встречаемся, пьем чай, а иногда и что-нибудь покрепче. В гости друг к другу ходим запросто, помогаем, если что нужно. А уж с Мишей у нас вообще было полное взаимопонимание.

– Олег Семенович, вы вот про преступника сначала сказали. Мол, вряд ли он будет предан суду, – произнес Гуров. – А можно об этом поподробнее? В какую именно историю, по вашему мнению, так неосторожно ввязался Михаил Федорович?

– Слушайте, друзья. Дело тут так обстоит...

Олег Ануфриев вместе с супругой переехал в поселок сразу после увольнения из органов. Они купили уже готовый дом и с удовольствием погрузились в авантюру увлекательного ремонта, который, как известно, нельзя закончить, а можно только остановить. Муж и жена знакомились с соседями и постепенно начинали дружить с ними, поскольку понимали, что бытовать бирюками в поселке не только скучно, но и попросту вредно для психологического состояния. С Балидским они сошлись особенно близко. Он тогда жил один.

– Миша приехал сюда из Казахстана, – сказал Ануфриев. – Там он работал в системе коммунального хозяйства, был бригадиром. С женой давно жил в разводе. Хотел найти женщину и, представляете, опубликовал в газете «Сад без хлопот» объявление. Так, мол, и так, одинокий пенсионер желает познакомиться, согласен на переезд, вредных привычек не имею, работающий, надежный ну и так далее. Тогда ему исполнилось шестьдесят два года. Откликов было много, но он же дотошный, умел выбирать. – Олег Семенович улыбнулся. – Одна не любит готовить, другая корыстная, интересуется размером пенсии, да еще и вплоть до копеек, а третья внешне не нравится. Тут Вера ему написала и пригласила его сюда. Он приехал. Вскоре поженились они. Вера даже фамилию его взяла. Вы только не подумайте, что он на дом этот клюнул. Во-первых, это не про него. Он бесребреником не был, но на чужое добро никогда не посягал. Во-вторых, дом стал таким красивым как раз благодаря ему. Пока Вера одна была, он выглядел достаточно скромно, а сад и вовсе был запущенным. Приехал Миша и влюбился. Не в Веру. Все же в таком возрасте надо сначала характерами сойтись, а уж потом какая-то там химия возникнет. В места здешние влюбился, прекрасные и очень живописные. Там, у себя в Казахстане, привык к степям да суховеям, а здесь и река, и луга не хуже чем в Швейцарии, и лес. Он рыбак был тот еще. Мы с ним, бывало, встанем в четыре утра, да с удочками к речке шуруем. Наловим окуней, подлещиков, голавлей, а то и щука попадетсЯ! – Олег Семенович воодушевленно развел ладони, показывая, каких рыбин им удавалось выуживать, но тут же сник, помрачнел. – Отвлекся, простите. Я привыкнуть не могу до сих пор, что его больше нет.

Гуров и Крячко коротко глянули друг на друга. Из глаз их отставного коллеги выкатились слезинки, которые он досадливо смахнул внушительным кулаком.

Несколько лет назад жители Козловки вдруг узнали, что участок, расположенный неподалеку от спуска к пляжу, выкупила некая влиятельная дама.

– Это Карпенyteва, глава Подлесновской администрации, – безапелляционно заявила местная жительница, бывший главный бухгалтер некоей крупной производственной компании Мария Аркадьевна Куроленко. – Стерва та еще, – добавила она, многозначительно округлив глаза.

Раз в месяц в поселке проходил сход, запланированный заранее. Люди собирались у кого-то в доме или чаще всего в саду, решали вопросы насчет уборки территории, вывоза мусора, подсыпки песка на пляже и тому подобного.

К новым соседям обитатели Козловки всегда относились с нескрываемым интересом. Жить отдельно, автономно, без участия в общих делах здесь было невозможно. Поэтому новость о появлении тут новой персоны, заносчивой и влиятельной, никого особенно не порадовала.

В тот раз сход проходил под раскидистой яблоней, в саду Ивана Лихолетьева, возглавлявшего поселок. Денек был прохладный, середина мая выдалась не только дождливой, но даже порадовала разок людей мокрым снегом. Поэтому хозяин дома предложил всем желающим согреться собственноручно приготовленным глинтвейном.

Потягивая горячий напиток, муж Марии – Куроленко Юрий Иванович – раздумчиво заметил:

– То, что эта мадам из власти, не так уж и плохо. Вполне возможно, что это даже и хорошо.

– Да? Чем же? – уточнила его супруга.

– Процветать, значит, будем, – добродушно заметил Куроленко, который в отличие от жены обладал оптимистичным и доброжелательным характером. – Дороги станут ремонтироваться, мусор вывозиться.

Этот момент был отдельной, весьма серьезной проблемой для всех обитателей поселка. Мусоровоз приезжал сюда всего два раза в неделю. Этого было мало. Жителям приходилось самостоятельно, за свой счет, причем не самый маленький, организовывать вывоз отходов. Во вторник и пятницу они вывешивали с внешней стороны заборов прочные пакеты с упаковками от продуктов и другим бытовым пластиковым мусором. Органические отходы люди перерабатывали в компост, чтобы не увеличивать объем транспортировки. Иногда они попросту доставляли большие мешки с накопленным мусором в город, там их и выкидывали куда следует. Цивилизованностью такая метода даже и не пахла.

Был смысл в том, чтобы возложить определенные надежды на появление новой соседки и помечтать об инфраструктурных перспективах. Где-нибудь на окраине поселка можно было установить закрывающиеся контейнеры, наладить график приезда мусоровоза.

Люди уже представляли, как пойдут к этой даме с инициативным предложением. Они были согласны платить за вывоз твердых бытовых отходов, но не по драконовским расценкам, а по нормальным, человеческим. На деле же все вышло иначе.

Вскоре на участке уже копошились деловитые рабочие, судя по всему, выходцы из солнечного Узбекистана. Они были молчаливы, демонстративно не вступали в контакт с местными жителями. Здесь поднялся строительный кран. Сюда один за другим начали курсировать многотонные грузовики со стройматериалами, так что обитателям Козловки пришлось всерьез опасаться за сохранность дорожного покрытия. Быстро, буквально за несколько недель был разбит фундамент, а потом началось строительство века.

Взирая на бойко развернувшуюся стройку, местные пребывали в состоянии некоторого шока. К таким масштабам строительства в поселке не привыкли. Хоть он и не был обычной деревней в привычном понимании этого слова, но и элитным назвать его можно было только с большой натяжкой.

– Как будто замок Синей Бороды строят, – заметил профессор химии, преподаватель РГГУ Андрей Ильич Тихонов. – Адский какой-то дом.

Чем выше становился строящийся объект, тем откровеннее он напоминал замок Шантоссе, послуживший прототипом жилища герцога в сказке Шарля Перро. На фоне пряничных домиков Козловки, так располагающих к себе, возматало нечто мрачное и весьма помпезное, облицованное коричневым декоративным кирпичом. Если этот дом и можно было назвать стильным, то только при очень уж большом желании. Трехэтажный, многобашенный, с окошками полукруглой формы, тяжелыми распашными дверьми, украшенными витиеватыми металлическими узорами, он будто бы завис на высоком берегу реки, вселяя в особенно впечатлительных местных жителей желание пофантазировать, представить себе, какой будет обстановка внутри.

– Наверняка дворцовый пошлый стиль, – заявила Вера, супруга Михаила Балидского, искусствовед по образованию.

Ее тонкий вкус особенно активно протестовал против этого вот строящегося безвкусица.

– Нет, Вера, – возразил ей Олег Ануфриев. – Думаю, там все будет неплохо. Каминный зал, тяжелая деревянная мебель, охотничья атрибутика.

– Ну, Вера такой интерьерный стиль точно не оценит, – с усмешкой произнес Михаил Балидский. – Лосиные рога над диваном из натуральной кожи и шкура убиенного медведя на полу для нее, знаешь ли, моветон.

Вера нарочито картинно таращила глаза, будто бы представляла себе этакую вот обстановку в деталях и в сердцах махала на друзей рукой.

Так за домом среди местных и закрепилось такое прозвище – замок Синей Бороды. Оно оказалось очень устойчивым, по-другому его вскоре уже никто и не называл.

Мистифицированный образ этого архитектурного дива сложился в головах жителей Козловки еще и потому, что саму его владелицу, ту самую даму, которая, по слухам, якобы была из администрации губернатора, в поселке никто никогда не видел. Она не приезжала туда ни разу, не стремилась проконтролировать ход стройки. Ее приезд никак не мог остаться незамеченным. В этом можно было не сомневаться.

Однажды, уже в июне, в один из жарких дней, когда местные деды и бабки уже приняли городских внуков, они готовились вывести их к речке позагорать и помочить ножки. Однако на подходе к пляжу все уперлись в сетку-рабицу, наскоро установленную здесь.

– Мы с соседями собрались и пошли к строителям с вопросами, – вспоминал события почти десятилетний давности Олег Семенович. – Мол, что это вы вообще себе позволяете? Почему сетку поставили? Один из них, самый борзый, по-русски хорошо разговаривающий, такой пузатый, импозантный, весь в золоте – он у них был за главного – заявил нам, что они имеют все права. Мы опешили, конечно. Во-первых, раньше эти люди всегда молчали. А теперь он нам это сказал с полной уверенностью и смотрел на нас глазами своими черными, раскосыми. Вот мы и поняли, что этот тип не шутит. Что-то действительно изменилось, раз поведение этого гастарбайтера стало таким. Решили мы спросить, что вообще здесь планируется, зачем берег-то перегораживать? А этот наглый фрукт нам и выдал: «Строим человеческое прекрасное». Ну и ну. Мы тогда грустно посмеялись. Ведь это нас строят сильные мира сего, заставляют вытянуться по стойке смирно. Скажут они нам, что больше нельзя к речке подходить, мы и не будем. Лесом запретят пользоваться, тоже послушаемся. Рыбу ловить станет нельзя, собирать грибы, а может, и вовсе дышать? У них ведь все по закону. Наверное. А если выхода не будет к реке, то зачем я дом здесь купил? – совершенно справедливо спросил Анофриев, глядя на своих собеседников. – Ведь специально хотел на пенсии рыбалкой время коротать. У нас тут у всех лодки. В общем, люди тогда сильно сникли. Но не тот был человек Михаил Балидский, чтобы молча такое проглотить. Он начал выяснять предметно, в чем дело, почему строители переметнулись на прибрежную зону.

– Именно он? – прервал Гуров последовательный рассказ Олега Семеновича. – А остальные жители? Они разве не активничали? Ведь захват берега всех касался.

– Касался. Замок этот все мы воспринимали как гвоздь в заднице. Вы уж меня простите за простоту формулировки. Жили не тужили, и тут вдруг такая хреновина, бред архитектурный, иначе не скажешь, выросла. Когда появился забор, мы наконец-то поняли, что дело пахнет керосином. Естественно, взволновались все ужасно. А что дальше делать, никто не знал. В сложных ситуациях людям ведь только кажется, что есть вариант самого правильного поведения. На самом деле возникает проблема, и никто из толпы не в курсе, как поступить в данной ситуации. Очень простой закон жизни. На этом фоне, когда все мы внутренне негодовали, но перевести эту реакцию в борьбу за свои права были абсолютно не готовы, взошла звезда Михаила Балидского.

Далее Олег Семенович упомянул о том, что в 2014 году, незадолго до окончания своей административной карьеры, Ирина Карпенцева основала некоммерческую организацию под названием Фонд сохранения природы, действующую на территории Подлесновского муниципального образования.

По информации, выставленной в открытом доступе, фонд получил в аренду лесные угодья в этом районе. Их площадь составляла порядка 40 тысяч гектаров.

На этой территории, по оценкам экологов, обитало от 60 до 70 зайцев, около 40 лис, 73 барсука, 160 уток, 30 лебедей, 25 гусей, 45 серых куропаток. В реке водились карпы, лещи, голавли, щуки и другие виды рыб.

Вся это меховая, пернатая и чешуйчатая братия вместе с землей, на которой она жила, досталась арендатору по сходной цене, всего-то порядка 500 тысяч рублей. Пользоваться этим благом фонд мог аж до 2070 года!

Если судить по названию фонда, то он должен был бы заботиться о состоянии земель, реки и береговой зоны, а также охранять животных. Вместо этого данная контора стала организатором платных охот и рыбалок.

Знающие люди поговаривали, что отчисления в казну за пользование природой фонд не проводил, либо они были ничтожными. Остальное шло, что называется, мимо кассы, хотя по результатам проверок все было чисто и законно.

При переуступке прав Белякову, знатному любителю охоты, деятельность фонда стала намного более активной. Он и сам частенько приезжал отдохнуть в сопровождении своих подчиненных, и приглашал людей, лояльность которых была ему необходима. У него бывали разные высокопоставленные личности – депутаты, прокуроры, крупные бизнесмены. Люди, занятые организацией таких выездов, должны были создавать условия, максимально приближенные к природе. Ночевка в палатках и еда, приготовленная на костре, помогала сильным мира сего снимать стресс и восстанавливать баланс. Активная охота приводила их в тонус и дарила фейерверк эмоций.

Балидского все это заставляло искать новые и новые двери, в которые можно было бы постучаться и доложить о делах, творящихся в фонде. Да вот только не все двери получалось открыть, не за всеми сидели должностные лица, готовые слушать, а тем более помогать.

– Получается, что только Балидский был готов протестовать? – спросил Гуров.

– Да, выходит так. Характер у него был такой, – ответил Ануфриев. – Как я уже говорил, Мишаня мужиком был дотошным. Многие местные жители были не против помочь ему. Я в том числе. Мы пытались как-то повлиять на ситуацию, рассылали обращения, готовили материалы для суда. Но закрывать собой амбразуру выпало именно Михаилу. Он оказался главным борцом за возвращение природных ресурсов.

– Что же было дальше? – вклинился в разговор Крячко.

– А дальше была борьба. Я уже говорил, что Балидский приехал к нам из Казахстана. Он не имел в России ни связей, ни знакомств, однако сумел поднять пыль столбом, от которой, видимо, многим пришлось чихать. Михаил слал обращения в прокуратуру, в МВД, в природоохранную прокуратуру, обращался к самым зубастым зеленым общественникам. Он даже смог каким-то образом вызвать сюда съемочную бригаду Первого канала, хотя она и приезжает якобы только по особым распоряжениям и никогда – по вызовам обыкновенных людей. Именно со съемками этого сюжета мы и связывали остановку стройки. Ребята наделали шуму. К их приезду в поселке собрались все его жители. Так вот, дружной толпой мы и сопровождали оператора и журналиста, демонстрировали им перегороженную береговую зону, строителей, прячущих лица, замок Синей Бороды. Об их приезде сразу же узнала владелица. Видимо, о такой славе она совсем не мечтала. В самый разгар съемки мы заметили, как в поселок въехал неприметный кроссовер. Оттуда появился человек лет двадцати восьми в кожаной куртке с тоненькой папочкой каких-то документов в руках. Он строил из себя юриста и заставлял нас остановить съемку, уповал на то, что это частная собственность. Тогда мы и узнали, что береговая зона и лесополоса была тоже оттяпаны Карпенцевой. Но сюжет все же по телевизору вышел. После этого к нам приезжали с проверкой из областной природоохранной прокуратуры. Эти люди оценивали стройку, смотрели забор, с нами не говорили. По крайней мере, я

про это ничего не знаю. Результаты этой работы нам были неизвестны, но, как бы там ни было, в скором времени стройка вовсе остановилась. Рабочие куда-то пропали. Всю зиму там ничего не происходило. Весной Михаил Балидский уговорил Лихолетьева сделать запрос в районную администрацию, чтобы найти собственницу участка.

– Зачем? Выяснил бы он ее координаты, и что? – осведомился Лев Иванович.

– Я думаю, у него к этому времени уже возникли некие подозрения. Возможно, он разговаривал с кем-то из строителей, остававшихся на объекте последними, и они вселили в него какие-то сомнения относительно истинного владельца. Так или иначе, он просил Лихолетьева уточнить, действительно ли участком с домом Синей Бороды владеет таинственная дама из администрации, которую никто никогда не видел.

– И что?

– Когда пришел ответ на запрос, нам всем пришлось удивляться. Мягко говоря. Никакой Ирины Карпентьевой в качестве собственника участка не значилось. Владельцем такового являлся Сергей Беляков. И наверняка, вы понимаете, что такая рокировка могла нас всех только расстроить.

«5 августа 2010 года в 23 часа 15 минут на пересечении ул. Мясницкой и Фуркасовского переулка г. Москвы из пистолета-пулемета „Борз“ производства Чечни с применением глушителя был обстрелян автомобиль известного бизнесмена Сергея Белякова. Злоумышленники находились в автомобиле „Ауди“ и действовали с расстояния примерно 10–12 м. В машину попало 12 пуль. Был тяжело ранен и впоследствии скончался охранник Белякова, сам бизнесмен получил небольшие повреждения. Стрелявшему удалось скрыться, охрана не сумела ему воспрепятствовать».

«Кроме бурного прошлого господин Беляков может похвастаться весьма интересным настоящим. Его обвиняют в незаконных схемах отчуждения земель. Якобы таким образом он завладел владениями заказчика Аркадьевского, расположенного в Московской области. До этого были уволены два директора, которые выказывали противодействие его намерениям.

На отчужденных землях Беляков обещал построить музейный комплекс. Вместо этого на территории был возведен ресторан с гостиницей, оформленный в безвкусном стиле. Вход в заведение был украшен барельефом, изображающим самого Белякова, почему-то в костюме римского патриция».

«11 октября интернет-ресурс „Непровластная четверка“ сообщил, что полиция разыскивает известного бизнесмена Сергей Белякова. Издание отмечает, что причиной поведения силовиков стало обращение члена заксобрания Вадима Рогова, сообщившего, что Беляков несколько раз ударил его по ногам и лицу. Проведенная экспертиза подтвердила, что здоровью потерпевшего был причинен вред средней тяжести. Однако проступок не был оценен как уголовное преступление. Его классифицировали в качестве административного нарушения по статье 6.1.1. КоАП РФ (побои). Дело зависло в суде, так как силовые структуры не могут найти Белякова для вручения ему протокола».

«Партия власти отрекается от Белякова. Но он как будто и не сильно расстроен. Депутата хотят исключить из правящей партии в связи с негативной информацией о его деятельности, которая прошла в СМИ и социальных сетях. Бывшие политические соратники считают, что своими действиями Сергей Беляков наносит ущерб репутации партии и к этой ситуации необходимо

привлечь внимание. Фигурант никак не комментирует происходящее и демонстрирует спокойствие».

– Да уж, – пробурчал Станислав и отложил выдержки из новостных сообщений, которые предоставил им Ануфриев.

Они были в огромной стопке бумаг, которую хозяин с трудом вынес из дома, осторожно ступая, стараясь ненароком не уронить всю эту внушительную кипу. Распечатки документов, ответы ответственных структур на многочисленные запросы относительно отчуждения береговой зоны, распечатки кадастровой съемки – чего тут только не было.

– Балидский с уважением относился к моему полицейскому прошлому, поэтому обязательно давал мне копии всех важных бумаг, так сказать, на ответственное хранение, – пояснил Олег Семенович. – Мы вместе частенько обсуждали, как то или иное обстоятельство можно было бы использовать для победы над бизнесменом-узурпатором.

– Личность господина Белякова весьма многогранна, – с усмешкой проговорил Гуров, просмотрев очередную выдержку с некоего информационного сайта. – Кстати, я слышал, что он помимо всего прочего еще и ярый благотворитель. Это правда?

– Отъявленный, – заявил Олег Семенович. – Отстраивает церкви в селах, жертвует сирым и убогим. А на самом деле все ведь понимают, что он отмывает через это деньги. Но я считаю, что биографию таким вот образом не поправишь. Бороться с дамой из администрации было сложно, но можно. Беляков же был известен агрессивными манерами ведения бизнеса, да и по жизни слыл человеком весьма неоднозначным. Многие вещи сходили ему с рук. Один из резонансных случаев – дорожно-транспортное происшествие с ним в главной роли, когда из-за него пострадал пожилой человек, якобы переходивший дорогу в неположенном месте. В крови бизнесмена якобы было обнаружено некое запрещенное вещество, да и скорость у его «Порше» оказалась запредельной. Однако Беляков тогда оказался полностью оправдан. Семья пострадавшего была вынуждена удовлетвориться денежной компенсацией, которой не хватило даже на похороны. И ничего. Тот самый момент, когда все осознают несправедливость, но ничего не могут сделать и поэтому вынуждены отступить, успокоиться. Только вот Мишу такое положение вещей не устраивало. Поэтому он решил вызвать Белякова на дуэль.

– Дуэль? Как это? – Гуров недоуменно поднял брови.

– Дело было шестого июня, в день рождения Пушкина. Поскольку найти контакты Белякова оказалось сложно, Балидский обратился к нему через СМИ, предложил сойтись в юридической схватке. Мол, каждый из нас подготовит аргументы, документальную базу. Потом мы встретимся на какой-нибудь площадке, где обоснуем свои позиции в полном соответствии с законом. Михаил надеялся, что это привлечет внимание надзорных органов к проблеме. Однако представитель Белякова распространил комментарий, что бизнесмен считает расстановку сил неравноценной, а потому от дуэли отказывается.

– И все? Так себе, если честно, ответочка, – заявил Станислав.

– В том-то и дело. Понимаете, Миша-то думал, что его противник мыслит теми же самыми категориями. В этом был просчет Балидского. Не удалось ему взять бизнесмена на слабо. Тот попросту отказался дискутировать. Ему было все равно, как это будет воспринято в обществе. Когда нам удалось вынести дело на судебное разбирательство, мы проиграли. Суд постановил, что Беляков является законным арендатором угодий, расположенных здесь, в Козловке. Лично я полагаю, что наш просчет состоял в том, что мы готовили все материалы сами. Был необходим грамотный адвокат.

– Что ж, если позволите, мы эти выдержки и копии документов возьмем себе. Сами понимаете, добраться до компьютера Михаила Федоровича теперь может быть проблематично, а нам ведь надо составить полную картину произошедшего, – произнес Крячко.

– Да, конечно, – как-то странно, на выдохе произнес Ануфриев и сполз со стула на садовую дорожку, выложенную красивой бежевой плиткой.

– Папа! – Марианна выскочила из дома и рванула к бездыханному Олегу Семеновичу.

Гуров и Крячко сориентировались сразу. Лев Иванович уже проводил первичный осмотр Ануфриева, отметил у него наличие слабого пульса, а Крячко набирал номер «скорой».

Медики приехали достаточно быстро. Максимум минут через сорок Ануфриев в полубессознательном состоянии был погружен в реанимобиль и увезен в ближайшую больницу.

Гуров похлопал по руке поникшую девушку.

– Не стоит так убиваться, Марианна Олеговна, – сказал он. – Доктора непременно помогут вашему папе. Видимо, сказались переживания последних дней. Есть кому о вас позаботиться?

– Да, не волнуйтесь. Я в порядке. Знаю, что все поправимо. – Девушка улыбнулась и спросила: – Куда вы теперь?

– Нам надо пообщаться с вдовой Балидского и со всеми, кто составлял его окружение, – ответил Гуров. – Думаю, этой женщины сейчас нет дома.

– Она, наверное, у детей. Вы можете пообщаться с их ближайшими друзьями. Это семейство Кувалдиных, Лихолетьев, профессор Тихонов. Не знаю, в принципе, здесь любой вам скажет одно и то же. Убийство Михаила Федоровича заказал Беляков.

– Понятно. Спасибо вам за гостеприимство. Вот мой телефон, если что, обязательно звоните. – Гуров протянул Марианне кусочек картона. – А сейчас выпейте чаю и отправляйтесь-ка спать. Это будет самое лучшее в данной ситуации. Идет?

– Конечно. – Марианна опять улыбнулась и стала очень похожей на отца. – Я непременно так и сделаю.

## Глава 3

Гуров и Крячко подошли к дому Балидских, на всякий случай несколько раз нажали на кнопку звонка, укрепленного на заборе, услышали, как трель разливается по саду и отдается в доме. Никто им не открыл.

– Бесплезно, – сказал Крячко. – Вдова правильно сделала, что не осталась одна в этом огромном доме после всего случившегося.

– Тогда пойдем, поищем замок Синей Бороды.

Долго искать не пришлось. Пройдя чуть вниз от дома Балидских, сыщики уперлись в высокий сплошной забор из декоративного камня, обмотанный по верху колючей проволокой. В глубине участка возвышались помпезные башни из тонированного стекла. Несмотря на белый день и активное солнце, дом производил зловещее впечатление. Мрачные коричневые тона стоило бы хоть немного разбавить светлыми акцентами, но они не были предусмотрены. На участке сейчас было тихо, никакого строительства внутри не наблюдалось.

– Да, впечатляет, – с улыбкой проговорил Гуров. – Но похоже на то, что охраны тут нет, по крайней мере, в данный момент. Нужно поднять документы насчет законности нахождения здесь этого объекта и того, что здесь вообще запланировано. Давай-ка пройдемся вдоль забора, посмотрим, куда он у нас упирается.

Глухое ограждение начиналось от автоматических ворот и полукругом сходило вниз по склону, разрезая лесистую местность. Если стоять на краю дороги, то создавалось впечатление, что забор уходит прямо в воду. Сыщикам пришлось долго спускаться. При этом они старались ставить ноги елочкой. Их сандалии совсем не подходили для такого вот маршрута.

Гуров вдруг заметил некое шевеление впереди, остановился, осторожно присел, а потом сдал вбок. Крячко, спускавшийся позади, мигом последовал его примеру.

– Тихо! – прошептал Лев Иванович, когда они спрятались за толстым дубом. – Посмотри-ка.

Сыщики находились далеко и не могли различить деталей. Но даже на этом расстоянии очевидно было, что кто-то пытается покинуть территорию дома Синей Бороды весьма нетрадиционным способом. Некий человек с голым торсом набросил на колючую проволоку нечто серое, перемахнул через забор, завис с внешней его стороны, осторожно стянул накидку и спрыгнул на землю. Разобрать его лицо сыщикам не представлялось возможным, но они поняли, что на голову этого субъекта надета серая кепка.

Человек с голым торсом полагал, что остался незамеченным. Он спокойно спустился вдоль забора и скрылся из виду.

– Как ты думаешь, кто это? – спросил Станислав. – Охранник или строитель?

– Нет, – ответил Гуров. – Это кто-то, совсем не связанный со стройкой. Иначе он вышел бы со двора самым традиционным образом, через калитку.

– Давай подберемся поближе, посмотрим, как он вообще смог забраться на такой заборище.

Господа полковники спустились метров на двести и осмотрели забор в том самом месте, где через него перелез тот самый человек. На первый взгляд ограда здесь не имела никаких особенностей. Однако, присмотревшись внимательно, сыщики увидели два еле заметных уступа в каменной кладке, на разной высоте от земли. Они вряд ли могли появиться здесь случайно. Кто-то нарочно устроил их в этом тенистом, плохо просматриваемом месте, чтобы удобнее было попадать внутрь. Скорее всего, что-то в этом роде было сделано и с другой стороны стены. Колючая проволока над ней была немного примята. Этот факт не бросался в глаза, но тренированный глаз выхватывал его безошибочно.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил Станислав, осматривая нижний выступ.

На гладкой поверхности были сделаны несколько продольных выемок. Кто-то потрудился, чтобы было удобнее взбираться на ограду.

– Думаю, что кто-то пасет нашего крутого бизнесмена. А вот связано ли это с убийством, и если да, то как именно, нам с тобой предстоит выяснить. Предлагаю продолжить наш променад по поселку с последовательным заходом в гости к соседям Балидских. Еще нам нужно попасть на место происшествия.

Обход соседей занял ближайšie два часа и заставил животы старинных друзей урчать от голода так отчетливо, что в одном доме им даже предложили отобедать. Здесь жил доктор химических наук, профессор Андрей Ильич Тихонов. Этот простой в общении, но явно высокоинтеллектуальный человек пребывал в сильном впечатлении от той беды, которая приключилась в Козловке.

– Кто бы мог подумать, что в наше время могут случаться подобные зверства! – изумлялся он за обедом, на который сыщики без ложной скромности согласились, так как подкрепиться им было остро необходимо для сохранения рабочих способностей.

Прозрачная уха из разной рыбы была просто великолепна.

– Вы уж простите, но это старый улов, из заморозки, – пояснил Андрей Ильич. – Хотелось бы попотчевать вас свежими карасиками, но как мы все теперь будем рыбачить, когда в реке?.. Да вы и сами все понимаете.

Жена профессора Маргарита Михайловна, тоже бывший преподаватель, согласно закивала.

Однако сыщики разделять таких сентенций не спешили. Они справились с ухой и теперь с удовольствием приступили ко второму блюду. Это были дивные котлеты из щуки с картофельным пюре.

Гуров с трудом заставил себя оторваться от этого деликатеса, хмыкнул и проговорил:

– Нормально будете, Андрей Ильич. Думаете, это первый труп в реке Клязьма? Открою вам секрет. Утопленники в водоемах регулярно случаются. – Он словно не замечал, что глаза супругов стали круглыми, и продолжил: – Но почему все местные жители так уверены в том, что это не несчастный случай, считают, что Михаил Федорович быт убит? Кто же, по-вашему мнению, этот злодей?

– Владелец адского дома, – тут же проговорила супруга профессора. – Бизнесмен Беляков. Больше некому. Миша говорил, что ему неоднократно поступали угрозы. Якобы какие-то люди звонили ему с незнакомых номеров и вежливо рекомендовали поумерить пыл.

– Да, больше и некому, – продолжил Андрей Ильич. – Весь круг общения Михаила был сосредоточен здесь. Это мы, его друзья, жена Вера, еще ее дети приезжали. Своих он не нажил, его прежние знакомцы остались в Казахстане. Кому еще этот человек мог помешать? Только тому субъекту, на коммерческие интересы которого наступил благодаря своему неумному характеру. В несчастный случай мы не верим, уж извините.

Сыщики от всей души поблагодарили хозяев за сытный, очень вкусный обед и двинулись дальше.

– Как-то странно получается, – рассуждал по дороге Крячко. – Все местные как будто договорились направлять обвиняющий перст в сторону Белякова. Понятно, что всегда удобнее верить в то, что находится на поверхности.

– Это как раз неудивительно, – отозвался Гуров. – Здесь я согласен с Орловым. На кого еще можно подумать?

– Да, но мы с тобой по собственному опыту знаем, что такие вот варианты, якобы однозначные, часто оказываются с двойным дном.

– А вот это уже другой вопрос, друг мой. Дед напирал на бизнесмена, а тот не особенно активно пытался отделаться от него. Но ведь он хотел здесь что-то построить. Получается, что Балидский мешал осуществлению его бизнес-интересов. А это, знаешь ли, уже серьезно. Ты только представь, что было бы, если бы дед подговорил местных остановить стройку, создав на берегу живой кордон. Мог он такое сделать?

– Не знаю. Местный народ видится мне довольно инертным. Все хотели бы, чтобы у них остался доступ к реке, берегу и лесу, но реально бороться за это был готов, кажется, один Балидский. Остальные оставались на подпевках. Разве что Ануфриев поддерживал товарища по-настоящему. Ладно, пойдем-ка по следующему адресу.

В числе близких друзей Балидского значился отставной врач Игорь Кувалдин, проживавший на краю поселка вместе с супругой. Именно к ним господа полковники решили сейчас направиться.

Кувалдины обитали в большом двухэтажном доме из красного кирпича. Он стоял самым последним на улице. Сразу за ним начинался частый дубовый лес, насыщающий воздух характерным, чертовски приятным ароматом дубравы.

На участке, отведенном под огород, подвязывала помидоры стройная молодая женщина в пятнистой камуфляжной панаме.

– Ирада Андреевна! – крикнул Гуров, заглянув в распечатку, и продемонстрировал раскрытое красное удостоверение через витую ограду. – Разрешите с вами поговорить?

Труженица оторвалась от своих забот, пронзительным синим взглядом прожгла сначала корочки, а потом по очереди и визитеров.

«Ух ты, вот это взгляд у доктора, – с легкой усмешкой подумал Лев Иванович. – Истинный рентгенолог», – припомнил он профессию этой дамы.

– Секундочку, я хозяина позову, – насмешливо проговорила Ирада Андреевна.

Гуров вопросительно поднял бровь, но промолчал, внутренне понадеялся на то, что насмешка бывшего рентгенолога относится к определению «хозяин», а не к ним с Крячко.

– Собаки по участку ходят. Загнать их, или вам не страшно?

Опять насмешка. Похоже, это была обычная манера общения Ирады Андреевны.

Гуров с интересом разглядывал ее. Джинсовый комбинезон, футболка защитного цвета, кроссовки на платформе. Ни грамма косметики, но и морщин, кажется, нет, насколько он вообще мог судить об этом. Темно-каштановые волосы без намека на седину и как будто некрашенные убраны в косу. Глаза удивительно синие, пронзают не хуже того электромагнитного излучения, которым она пользовалась в своей медицинской практике.

Сколько же лет этому уважаемому доктору на пенсии? Даже если предположить ранний выход на заслуженный отдых, то должно быть около пятидесяти. Да уж, никогда не скажешь.

Она стояла перед ними и спокойно вытирала руки о влажную салфетку. Видимо, эта особа давно привыкла к такой вот мужской реакции на свой облик. Вряд ли женщины часто демонстрировали ей свое расположение. Скорее, наоборот, ей всю жизнь приходилось иметь дело с завистью с их стороны.

Помимо примечательной внешности у Кувалдиной были идеальная фигура и ровная осанка. Все это позволяло ей выглядеть как минимум лет на пятнадцать моложе своего возраста.

– Собак мы не боимся. Загонять их не надо, – ворчливо проговорил Крячко. – Пусть их...

К концу фразы его тон кардинально изменился. Две взрослые серо-бежевые американские акиты, одна побольше, другая чуть меньше, резво бежали к ним со стороны дома.

– Хотя, конечно, сами смотрите. В принципе, можно и загнать. Им же, наверное, отдохнуть хочется, – заявил Станислав.

– Сидеть! – властно проговорила Ирада.

Псины не добежали до них, послушно замерли и синхронно присели на дорожку.

Гуров одобрительно хмыкнул, Крячко тоже заметно приободрился.

– Что же ты, Ирада, гостей не приглашаешь? – раздался добродушный голос.

Из дома показался хозяин, полноватый седой мужчина лет шестидесяти с небольшим.

– Приглашаю я, – возразила Ирада. – Они сами не хотят. На Альтера с Афиной засмотрелись. Проходите, прошу вас, в дом, – наконец-то удосужилась она позвать Гурова и Крячко.

Собаки поплелись вслед за людьми, держась на почтительном расстоянии от них.

Они прошли через просторный холл и оказались в гостиной. Обстановка в этом помещении была легкой, ненавязчивой, воздушной, представляла собой микс из интерьера загородного дома с нотками классики и английского шика. Добротная мебель из натурального дерева кремового оттенка гармонировала с пробковым паркетным полом. В середине комнаты стоял небольшой стол из закаленного стекла, вокруг которого расположилась мебель из ротанга – диван с симпатичными подушками оранжевого цвета и три аналогичных кресла.

В них уселись сыщики и хозяин дома. Ирада упорхнула на кухню, а собаки расположились у входа.

– Простите, вы давно здесь живете? – спросил Гуров.

– Уже десять лет, – ответил Кувалдин.

– Переехали сразу вдвоем с супругой? – Гуров понимал, что он спрашивает не по делу, но вопрос о возрасте этой молодой женщины не давал ему покоя.

– Да, как вышли с ней на пенсию, так и переехали сразу же. – Кувалдину, похоже, было невдомек, что сыщики пребывают в изумлении относительно того, как молодо выглядит его супруга.

Как и большинство мужчин, он настолько привык ежедневно видеть свою дражайшую половину, что каких-то особенных ее достоинств попросту не замечал.

– Простите, вы с супругой так молодо выглядите. – Гуров все-таки решил во что бы то и стало удовлетворить свое любопытство. – Сколько же вам сейчас? И вашей жене?

– Мне шестьдесят, а Ира на два года старше.

Услышав эти слова, Крячко издал странный звук, похожий на крик придушенной утки.

– Чудеса современной косметологии, – проговорил он, выдержав удивленный взгляд Кувалдина.

– Почему же косметологии? – спросил доктор. – Ирада против всего этого. Она врач, последствия вполне осознает. Если вы про то, что она выглядит намного моложе своих лет, то это прежде всего генетика и здоровый образ жизни.

– Я предлагаю перейти к делу, – решительно свернул Гуров рассуждения о молодости хозяйки дома. – Игорь Аркадьевич, знаю, что вы присутствовали на берегу, когда тело Балидского было извлечено из реки. Не могли бы рассказать в подробностях, как это было?

– Да, конечно. Вот и чай поспел как раз. Угощайтесь, пожалуйста. – Он подвинул поближе к гостям вазочку с печеньем и сухофруктами. – Мы в тот день с мужиками решили малость похулиганить. – Пенсионер виновато улыбнулся. – Знаете, здесь мы все в той или иной степени ведем натуральное хозяйство, то есть гоним самогон. А что, у всех свои сады и огороды. Вот и используем сырье, так сказать, по его прямому назначению. Это же натуральный напиток получается, не та бурда, которую в магазинах продают. А зима долгая, иногда хочется выпить. Ну вот, в тот день у Иваныча поспел продукт, он его на пляж взял на пробу. Вы не подумайте, немножко совсем. Только мы приложились – крики, визги! Что случилось? Мальчишка соседский, Артемка, плыл и за труп зацепился.

– Вы при осмотре присутствовали?

– Ну да, на правах медика подошел к коллегам, но, конечно, вперед не лез. Знаю, что смерть наступила предыдущим вечером или ночью. На голове у Михаила была заметная гематома с рассечением. Больше, собственно, как врач ничего не могу сказать.

– Могли бы вы показать нам место, где все это произошло?

– Почему же нет? Могу, конечно. Допивайте чай, да и пойдём.

До спуска к пляжной зоне нужно было идти примерно полкилометра. Игорь Аркадьевич рассказал, что ранее подойти к реке можно было двумя путями, но с тех пор как участок с домом Синей Бороды выкупил Беляков, остался только один, дальний выход.

– Береговая зона так и является частной собственностью, несмотря на все попытки Михаила Балидского оспорить это. Чтобы успокоить нас, местных жителей, на пляж был наложен сервитут, то есть мы получили право пользоваться этой территорией. Кого-то это устраивало, но общее настроение, конечно, было не самым радужным. Однако до недавнего времени на участке было пусто, так что никто из нас не суетился. Не считая Михаила.

– До недавнего времени? До какого именно?

– В мае началось шевеление. В доме Синей Бороды появились строители, на этот раз русские. На наши вопросы они отвечали охотно и достаточно вежливо, объяснили нам, что здесь будет возведен большой, самый современный туристический комплекс. Якобы вся береговая зона отдана под его строительство. Собственно, для некоторых жителей нашего поселка этот момент был серьезным поводом продавать свои домовладения. Я, знаете, спокойно отношусь к воде, купаюсь за сезон два-три раза. Да и внуков у нас с Ирадой Андреевной нет, как и детей, в общем-то. Так уж получилось. Рыбалкой я тоже не занимаюсь. Но для многих здешних жителей это на первом месте. Вот Ануфриев, например, бывший сотрудник МВД. Так он только и говорил, мол, зачем я здесь дом покупал, если у меня выхода к воде не будет? Ну вот, мы, собственно, и пришли.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.